

Барсегян П.А.¹, Оганнисян О.В.²

^{1,2} Ереванский государственный университет
^{1,2} 0025, Республика Армения, г. Ереван, ул. Алека Манукяна, 1;
¹ pargevbarseghyan@ysu.am; ² rector@ysu.am

Религия монголов по армянским источникам: Киракос Гандзакети

П.А. Барсегян

О.В. Оганнисян

Аннотация. После монголо-татарских нашествий Армения вошла в состав образовавшегося гигантского государства, в результате которого армяне познакомились с жизнью, обычаями и национальными особенностями монголов, пришедших с Дальнего Востока. Одновременно армянская историография того времени стала важным источником о монголах. Статья посвящена анализу упоминаний о религиозных представлениях монголов в «Истории армян» армянского историка Киракоса Гандзакети. В результате исследования становится ясно, что Киракос Гандзакети, попавший в плен в результате монгольского нашествия и впоследствии работавший переводчиком у монголов, был хорошо знаком с бытом, религиозным поведением и верованиями монголов и оставил ценные сведения о них, сравнительный анализ которых позволяет высказать следующие важные соображения: 1) в период жизни Киракоса Гандзакети (середина XIII в.) в религиозных представлениях монголов ещё преобладали племенно-национальные верования и особенно тенгрианство, 2) в этот же период среди монголов уже распространились мифы и легенды о чудесном рождении и происхождении Чингисхана, 3) в то же время монголы постепенно познакомились с религиозными представлениями буддизма Махаяны, хотя отношения монгольских племён с религиозно-культурным наследием других народов обнаруживает и примеры принадлежности к другим религиям. Киракос Гандзакети в качестве первоисточника даёт важные сведения об обычаях, о традициях, о социальном строе и о супружеских отношениях восточных народов, анализ которых позволяет констатировать, что влияние древних монгольских религиозных мировоззрений особенно сильно. Исследование упоминаний Киракоса Гандзакети о религии монголов может помочь глубже понять особенности религиозной жизни монголо-татарских племён середины XIII века, представления о «вечном небе», влияние раннего буддизма, а также раскрыть отношение покорённых народов Закавказья к монголам.

Ключевые слова: Армения, монголы, религия, Тенгри, шаманизм, буддизм

Pargev A. Barseghyan¹, Hovhannes V. Hovhannisyan²

^{1,2} Yerevan State University;
^{1,2} 1 Alex Manoogian str., Republic of Armenia, 0025, Yerevan
¹ pargevbarseghyan@ysu.am; ² rector@ysu.am

The Religion of the Mongols as Described by Armenian Sources: Insights from Kirakos Gandzaketsi

Abstract. Armenia became part of the giant state formed after the Mongol-Tatar invasions, as a result of which Armenians got acquainted with the life, traditions, and national characteristics of the Mongols from the Far East. At the same time, Armenian historiography emerged as a significant source for understanding the Mongols. This essay analyzes references to Mongol religious concepts found in “Armenian History” by Kirakos Gandzaketsi, an Armenian historian. The research shows that Kirakos Gandzaketsi was captured by the Mongols during their invasion and later served as their translator, so he was well-acquainted with Mongol lifestyle, religious practices and beliefs. He left valuable information about them, the comparative analysis of which allows us to highlight the following important considerations: 1) during the period when Kirakos Gandzaketsi lived (middle of the 13th century), tribal-national beliefs, particularly Tengriism, still prevailed in the religious concepts of the Mongols; 2) during the same period, myths and traditions about Genghis Khan’s wonderful birth and origin were already widespread among the Mongols; 3) at the same time, the Mongols gradually became acquainted with religious beliefs distinctive of Mahayana Buddhism. Although the Mongol

tribes' interactions with the religious and cultural heritage of other peoples reveal examples of adherence to other religions, as well. Kirakos Gandzaketsi, as a primary source, provides references that enable us to conclude that the ancient Mongolian religious worldview ideas have a particularly strong influence on the customs and traditions of the eastern peoples, including social status, marriage, and family relationships. Examination of Kirakos Gandzaketsi's references to Mongol religion aids in gaining a deeper understanding of the peculiarities of the religious life of the Mongol-Tatar tribes in the mid-13th century, as well as the idea of the "eternal sky", the early influences of Buddhism, and the attitudes of the conquered peoples of Transcaucasia toward the Mongols.

Key words: Armenians, Mongols, religion, Tengri, Shamanism, Buddhism

Введение

В границах образовавшейся в результате монголо-татарских нашествий огромной империи появились представители различных цивилизаций и религий, для которых монгольские верования и обряды были не только новостью, но и новой площадкой для межкультурного общения. Различные источники того времени оставили ценные сведения об этнографии, культуре, религиозных верованиях и религиозных обрядах монголов, среди которых были также армянские авторы: Хетум (Гайтон), Степанос Орбелян, Мхитар Айриванеци, Григор Акнерци, Вардан Аревелци, Смбат Гундстабль и, конечно, Киракос Гандзакеци, упоминания которого стали основной темой нашей статьи.

Монголы впервые появились в Армении в 1220 году, после чего в результате ещё нескольких набегов вся территория исторической Армении оказалась под их властью. Армянский историк Киракос Гандзакеци жил в этот период, и его книга «История армян» (далее «История») является бесценным источником для изучения и оценки истории региона. Во время одного из первых монгольских нашествий Киракос Гандзакеци попал в плен к монголам, находился в плену около полугода, затем после освобождения своего учителя Ванакана Вардапета бежал и вернулся в Армению [Киракос Гандзакеци, 1976, 158–162]. За время плена он познакомился с бытом, обычаями и традициями монголов, а также в некоторой степени освоил их язык и работал переводчиком [Киракос Гандзакеци, 1976, 160].

«История» Киракоса Гандзакеци содержит важные сведения о религиозных верованиях, ритуалах, поведении и обычаях монголов. В результате различных исследований сегодня удаётся практически полностью восстановить религию раннего периода истории монголов, которая представляет собой, по сути, совокупность синкретических верований, сформировавшихся под влиянием разных религий [Encyclopedia, 2005, 9, 6140]. Упоминания Киракоса Гандзакеци о религиозной принадлежности, верованиях и поведении монголов позволяют констатировать, что во времена жизни армянского историка (примерно 1240–1270 гг.) в верованиях монголов преобладали шаманизм и тенгрианство, в некоторой степени присутствовал и буддизм, хотя есть также упоминания о том, что монголы следуют и другим мировым религиям, в частности христианству и исламу.

В основу исследования положены культурно-исторический и историко-сравнительный методы, характерные для сравнительного религиоведения, посредством которых рассматриваются сведения Киракоса Гандзакеци о религиозных представлениях монголов (татар – так называет их армянский историк [Киракос Гандзакеци, 1976, 172]).

Монголы и шаманизм

Ещё в XIX веке на раннем этапе изучения религиозных представлений монголов Доржи Банзаров выделил в религиозных верованиях монголов шаманизм, которому посвятил целую главу своего труда [Банзаров, 1891, 1–25]. Как отмечает современный исследователь Ю. Дробышев, «Исследователи почти единодушно называют добуддийские верования монголов шаманизмом или же принимают эту версию “по умолчанию”». В то же время он предполагает, что этот общепризнанный подход не даёт окончательного ответа на поставленный вопрос, и «...духовная жизнь кочевников в периоды близкого знакомства с буддизмом (XIII и конец XVI в.) не ограничивалась “черной верой”» [Дробышев, 2012, 71]. Следует также заметить, что монгольские ханы имели толерантное отношение к другим религиям и в

их дворцах находились представители духовного сословия разных религий [Дасун, 1955, 197–194]. Иными словами, во дворце хана находились «...христианские монахи, мусульманские кадии и имамы, даосские мудрецы, буддийские монахи, шаманы и, возможно, другие» [Мей, 2004, 437].

Согласно упоминаниям, сохранившимся в «Истории» Киракоса Гандзакеци, в XIII веке среди монгольских племён, тем не менее, преобладали разного рода шаманские и магические верования. Анализ этих сведений позволяет прийти к выводу, что у монголов первостепенное значение имели магические представления. В частности, в подразделе, озаглавленном «Краткое описание внешности татар», мы находим такие строки: «Женщины их были колдуньи и гадали об всём; без повеления своих колдунов и кудесников [татары] не пускались в путь – [делали это] только с их разрешения» [Киракос Гандзакеци, 1976, 173]. Очевидно, что в данном случае мы имеем дело с типичными шаманскими верованиями, тем более что в армянской действительности испокон веков в рамках магических верований те люди, которые в шаманизме известны как шаманы, носят имена *колдун*, *маг*, *вошебник*. [Барсегян, 2015, 72]. В то же время Киракос Гандзакеци отмечает, что в начале монгольского нашествия ходили ложные слухи о том, что они – «*маги* и христиане, [будто] творят чудеса и пришли отомстить мусульманам за притеснение христиан». Повествуя об этом, Киракос делает вывод: «Поэтому население страны не стало укрепляться...» [Киракос Гандзакеци, 1976, 138]. Конечно, эта часть нуждается в дополнительном разъяснении, поскольку представления о христианине и чудотворце, даже если они вымышлены, не могут быть отождествлены с понятием *маг*, которое на протяжении веков, как пережиток языческих и зороастрийских верований, всегда отвергалось армянской христианской действительностью. Мы считаем более вероятным подход, согласно которому в контексте ложных слухов называть монголов магами – это реакция на проявление их магических убеждений. В этом контексте мы также должны понимать то, что Киракос Гандзакеци называет монголов язычниками [Киракос Гандзакеци, 1976, 162] и, говоря о них, часто использует это слово. Ещё одним свидетельством древних шаманских верований является описание погребального обряда, который выполнялся в нескольких вариантах: «...много дней подряд возили [его труп] с собой» или сжигали, или «...хоронили в землю, в глубокой яме, и вместе с ним складывали оружие его, и одежду, золото, серебро, и всю его долю [имущества]», а в случае влиятельных лиц – хоронили вместе с ним «...слуг и служанок» [Киракос Гандзакеци, 1976, 173]. Таким образом, мы можем констатировать, что во времена Киракоса Гандзакеци шаманские верования все ещё продолжают занимать доминирующее положение в монгольских верованиях.

Монголы – последователи тэнгрианства

Согласно некоторым современным исследователям, тэнгрианство и шаманизм почти идентичны. По другой версии «шаманизм является интегральной составляющей тэнгрианства» [Дробышев, 2012, 71]. В упоминаниях Киракоса Гандзакеци шаманские верования монголов и тэнгрианство также представлены вместе, однако следует отметить, что независимо от упоминания о характере верований, у Киракоса монголы (татары) в основном называются язычниками. В этом случае, естественно, трудно точно сказать, к каким религиозным верованиям монголов относится то или иное упоминание Киракоса. Тем не менее, говоря о верованиях монголов, Киракос особенно часто использует слово *тенгри*. Как известно, слово *тенгри*, наряду с обожествлением неба, выступает в двух значениях: *бог неба* и просто *бог*, *божество*, при этом ещё и в форме прилагательных *небесный* и *божественный*, и не всегда можно чётко определить, используется ли *тенгри* как существительное или прилагательное? [Encyclopedia, 2005, 13, 9080]. Как мы уже упоминали, Киракос Гандзакеци использует слово *тенгри* (в оригинале – «*ᠲᠡᠩᠭᠢ*») несколько раз. Во-первых, знакомя с языком монголов, Киракос отмечает, что «...бога они называют тангри» [Киракос Гандзакеци, 1976, 173], что является прямым подтверждением того, что в монгольских верованиях понятие бога просто представлено в виде *тенгри*. Оно означало небо в широком смысле, и в целом монголы понимали под этим словом всех богов [Банзаров, 1996; Банзаров, 1891, 26]. Киракос также отмечает, что по представлениям монголов «государь их – родственник бога, взявшего

себе в удел небо и отдавшего землю хакану» [Киракос Гандзакеци, 1976, 173]. Это доказывает, что монголы приписывали *хакану* мифическое происхождение. В то же время примечательна связь с легендой о чудесном рождении Чингисхана, о которой сообщает Киракос: «Говорили, якобы Чингис-хан, отец хакана, родился не от семени мужчины, а просто из невидимости появился свет и, проникнув через отверстие в кровле дома, сказал матери [Чингиса]: «Ты зачнёшь и родишь сына, владыку земли»» [Киракос Гандзакеци, 1976, 173]. Фактически здесь мы имеем дело со знаменитой легендой о родстве Чингисхана и неба, сохранённой в «Сокровенном сказании монголов»: «Но каждую ночь, бывало, через дымник юрты, в час, когда светило внутри (погасло), входит, бывало, ко мне светлорусый человек; он поглаживает мне чрево, и свет его проникает мне в чрево. А уходит так: в час, когда солнце с луной сходится, процарапываясь, уходит, словно жёлтый пёс» [Козин, 1941, 81]. В этой армянской версии источник Киракоса, которым, по его утверждению, является «знатный человек» Хутун-ноин из «высшей знати» монголов [Киракос Гандзакеци, 1976, 173], почти идентично повторяет вышеупомянутый отрывок. Фактически, легенда, представленная Киракосом о чудесном рождении Чингисхана и божественном предке, существовала уже в XIII веке. Таким образом, это упоминание Киракоса Гандзакеци подтверждает то, что вскоре после смерти Чингисхана уже ходили легенды о его светлом происхождении и яркой внешности, и мифологизация Чингисхана была устоявшимся фактом. Это стало одной из возможных причин более позднего формирования культа Чингисхана [Мей, 2004, 438]. Данное упоминание Киракоса дополняет фольклорные и мифологические предания и рассказы о чудесном рождении Чингисхана. В этом контексте необходимо отметить то обстоятельство, что Чингисхан, покровительствуемый небом, становится сыном неба (*тенгри*), а в буддийском пантеоне ещё и воплощением *бодхисаттвы* Ваджрапани [Encyclopedia, 2005, 3, 1645].

Киракос Гандзакеци также сообщает информацию ещё об одном монгольском понимании слова и понятия *Бог*. Она особенно важна с точки зрения некоторых исследований, пытающихся представить тенгрианство как монотеизм [Аверьянов, Абаев, Гармаева, 2015, 3, 23]. Хотя существует и противоположная точка зрения, согласно которой тенгрианство не носило «...характер строгого монотеизма» [Уланов, 2022, 106]. Это также подтверждается Киракосом Гандзакеци: «У них нет богослужения, они не поклоняются [никому], но божье имя упоминают часто, при любом случае. И мы не знаем, воссылают ли они хвалу богу существу или призывают другое божество, да и они тоже не знают» [Киракос Гандзакеци, 1976, 172–173]. В данном случае мы думаем, что Киракос под *Богом* понимает *тенгри* (он сам указывает, что монголы называли бога именно таким образом). А множественное и многозначное использование этого слова для него непонятно, потому что с точки зрения христианского монотеизма называть «богом что-либо» немислимо, в случае же с монголами имя *тенгри* мог получить любой объект поклонения (вероятно, так представлялся монгольский культ Киракосу). В то же время тот факт, что бог «взял себе в удел небо», подсказывает, что эти два понятия у Киракоса отдельные и разные. Всё же в этом случае Киракос использует слово *Бог* в понимании, близком к христианскому, указывая на то, что *Бог* просто забрал *Небо* себе, то есть *Небо* не является богом. А если небо – *тенгри* (Вечное небо), то почему же существует иное восприятие Бога? Мы думаем, что это упоминание Киракоса может подтвердить мнение о том, что монгольская религия всё же была политеистической, наполненной элементами, характерными для шаманизма, и даже если она имела черты, характерные для монотеизма, то эти черты для Киракоса были непонятными (Киракос говорит, что он их не знает, и даже монголам они были неизвестны) [Киракос Гандзакеци, 1976, 172–173]. То есть в данном случае очевидно то, что мировоззренческие представления восточных религий воспринимались на Западе через призму религии монотеистической, и под богом понимали монотеистического бога, тогда как в восточных религиозно-мифологических представлениях понятие *бога* более всеобъемлющее и широкое, богатое мифологическими символами. Это подтверждает и Ю. Дробышев, говоря: «Чтобы верховный авторитет их посланий был понятен представителям монотеистических культур, в дипломатической переписке они называли его Богом или Аллахом» [Дробышев, 2020, 124].

Таким образом, мы должны констатировать, что история Киракоса Гандзакеци подтверждает общепризнанный подход, согласно которому развитие монгольских верований в середине XIII века привело к формированию тенгрианства, в рамках которого в результате синкретизма понятий неба, «Вечного Неба» и бога Тенгри становится многозначным и многогранным объектом культа, которому не только поклонялись, но и связывали с ним чудесное рождение и родословную Чингисхана.

Монголы и буддизм

Монголы познакомились с буддизмом уже в период первых завоеваний Чингисхана, сначала через китайских, а затем тибетских проповедников [Encyclopedia, 2005, 3, 1148]. Но контакты монгольской элиты с буддизмом не сделали его доминирующим и шаманизм продолжал господствовать, особенно в народных верованиях [Encyclopedia, 2005, 9, 6142]. Только во время правления Хубилая (1260–1294) тибетский буддизм стал главной религией империи. Упоминания Киракоса Гандзакеци о буддизме относятся к раннему периоду Монгольской империи, когда монголы, наряду с завоеваниями, впервые познакомились с различными ветвями этой религии. Вот почему некоторые сохранившиеся упоминания в истории Киракоса Гандзакеци о буддийских верованиях не имеют прямого отношения к монголам и относятся к некоторым племенам или народам. Одно из таких упоминаний относится к Шакьямуни. В истории Киракоса Шакьямуни появляется под именем Шакмония в двух эпизодах, в обоих случаях с Мадрином. В середине XIX века Н. Эмин справедливо отождествляет этих двоих с Шакьямуни (Буддой) и Майтреей, считая эти имена искажёнными [Всеобщая история, 1861, прим. 753]. В первом эпизоде армянский царь Хеттум рассказывает о какой-то стране, «...где обитает множество идолопоклонников – поклоняющихся огромному глиняному кумиру по имени Шакмония, и говорят, что он уже три тысячи сорок лет является их богом» [Киракос Гандзакеци, 1976, 225]. В следующем эпизоде рассказывается о том, как Хулаву построил город в «Даран-даште», где «построил обиталища для огромных идолов» и где «Есть, [у них] племя одно, называемое тоинами. Эти [тоины] – волхвы и колдуны, они своим колдовским искусством заставляют говорить лошадей и верблюдов, мертвых и войлочные изображения. Все они – жрецы, бреют волосы на голове и бороды, носят на груди желтые фелоны и поклоняются всему, а паче всего – Шакмонии и Мадрину» [Киракос Гандзакеци, 1976, 237–238]. Существует мнение, что «Тоином» Киракос назвал тибетских лам, и в данном случае речь идет о Тибете [Киракос Гандзакеци, 1976, прим. 20, 309]. Упоминания о буддизме, возможно, дошли до Киракоса Гандзакеци в сильно искаженном виде, но ясно, что они у Киракоса представлены конкретно, имея опосредованный характер. Примечательно, что эти упоминания просто ещё раз доказывают, что у монголов во времена Киракоса буддийские верования ещё не укоренились, высокий уровень религиозных взаимоотношений с покорёнными народами ещё не был зафиксирован, в противном случае Киракос, владеющий этими упоминаниями о других народах, несомненно, зафиксировал бы и буддийские религиозные представления у монголов, если бы они действительно были. В то же время эти упоминания подтверждают тот факт, что во времена Хулаву буддизм уже начал проникать в монгольскую элиту и играть важную роль в её повседневной религиозной практике.

Таким образом, упоминание Киракоса Гандзакеци о Шакьямуни и Майтрее является прямым доказательством того, что упомянутая историком страна, скорее всего, была областью распространения буддизма Махаяны, поскольку Шакьямуни в виде гигантской глиняной статуи был объектом поклонения именно в этой реальности. Возможно, именно в тот период элементы буддизма и ритуальные церемонии начинают становиться доступными монголам. Примечательно, что во втором эпизоде явно говорится о буддийских монахах, в ритуале которых присутствуют шаманские и магические верования, наводящие на мысль, что верования этого племени, называемые «тойинами», на самом деле являются проявлениями тибетского ламаизма. Таким образом, мы должны констатировать, что в этом и других случаях упоминания Киракоса Гандзакеци мы имеем дело со синкретическими проявлениями местных племенных (национальных) верований и буддийского учения, которые практически проявляются в форме религиозных практик буддийских монахов. Как

известно, монгольский буддизм в первую очередь имеет форму ламаизма, и в данном случае упоминания Киракоса Гандзакеци относятся к начальному периоду распространения буддизма, когда монголы только-только вступали в контакт с Тибетом [Encyclopedia, 2005, 3, 1148]. Предметом отдельного обсуждения является то, что «жрецы», упомянутые Киракосом, обещают Хулагу бессмертие, из-за чего «...он жил, двигался и на коня садился под их диктовку, целиком отдав себя на их волю» [Киракос Гандзакеци, 1976, 237–238]. Слово «бессмертный» здесь может вызвать некоторую путаницу и навести на мысль, что мы имеем дело с даосскими монахами, но, на наш взгляд, и здесь очевидно влияние тибетских лам, а то, что Хулагу «питался [пищей], освящённой в кумирнях» [Киракос Гандзакеци, 1976, 237–238] – просто отголосок тибетской ритуальной трапезы. Иными словами, монахи, обещавшие хану бессмертие, скорее всего, были тибетскими ламами. Таким образом, можно предположить, что упоминания о буддизме, сохранившиеся у Киракоса Гандзакеци, относятся в основном к племенам, исповедовавшим тибетский буддизм, через которые эта религия проникла в монгольскую элиту во время монгольских завоеваний. Позже Киракос Гандзакеци говорит уже о монголах, принявших ислам (об Аргуне) [Киракос Гандзакеци, 1976, 235], что в основном относится к западным территориям Монгольской империи и является следствием активных контактов с исламом, в то время как на востоке монголы исповедовали в основном национально-местные верования и буддизм.

Заключение

Монголо-татарские нашествия – одно из тех событий, которые оказали большое влияние на историю Армении. Немало ценных сведений о монголах оставлены армянскими историками того времени. Так, «История» Киракоса Гандзакеци (XIII в.) предоставляет важную информацию о религиозной принадлежности и верованиях монголов.

Несколько упоминаний Киракоса подтверждают преобладание шаманизма в верованиях монголов и в то же время указывают на то, что это преобладание находится в контексте наиболее развитых магических верований.

История Киракоса Гандзакеци свидетельствует также о том, что в середине XIII века в монгольских верованиях развивалось тенгрианство. У Киракоса *тенгри* – многозначное слово, которое применяется в нескольких вариантах: сначала как *бог* с христианским монотеистическим восприятием, затем как *божество*, типичное для мифологического мировоззрения, с общим языческим восприятием Бога, и, наконец, *тенгри* как «вечное небо». Это – многозначный и многогранный культовый объект, с которым было связано также чудесное рождение и происхождение Чингисхана, мифы о котором также знакомы Киракосу.

Одновременно Киракос Гандзакеци сохранил упоминания о буддизме, которые в основном относятся к его тибетскому варианту и некоторым следующим ему племенам. В этих упоминаниях говорится о Шакмонии и Мадрине, объектах поклонения этих племён, то есть Шакьямуни и Майтрейи. Киракос также описывает некоторые проявления буддийской религиозной практики, изучение которых показывает, что в данном случае мы имеем дело с важными сведениями, представляющими практику тибетских монахов.

Благодарность

Исследование выполнено при финансовой поддержке Комитета по высшему образованию и науке РА в рамках научного проекта № 21T-6D202.

Acknowledgement

The work was supported by the Higher Education and Science Committee of RA, in the frames of the research project № 21T-6D202.

Библиографический список

1. Аверьянов, Б.В. О правомерности использования термина «шаманизм» в контексте методологии тэнгриведческих исследований [Электронный ресурс] / Б.В. Аверьянов., Н.В. Абаев, Т.И. Гармаева // Вестник БГУ. Гуманитарные исследования Внутренней Азии. – 2015. – № 3. – С. 23–34. – URL: <https://journals.bsu.ru/journals/giva/?issue=57&article=21&rus> (дата обращения 03.05.2024).
2. Банзаров, Д. Чёрная вера или Шаманство у монголов и другие статьи / Д. Банзаров / Под ред. Г.Н. Потанина. – СПб.: Тип. Имп. Акад. Наук, 1891. – XL, 128 с.
3. Барсегян, П.А. Старые верования и мифология в Армении / П.А. Барсегян. – Ереван: Авторское изд-во, 2015. – 276 с. (Բարսեղյան Պ. Ա., Վաղ հավատալիքները և դիցարանությունը Հայաստանում, Երևան, 2015. – 276 էջ).
4. Всеобщая история Вардана Великого / Пер. Н. Эмин. – М., 1861. – 441с.
5. Дробышев, Ю.И. Монгольский хаган как сын Бога [Электронный ресурс] / Ю.И. Дробышев // Народы и религии Евразии. – 2020. – № 4 (25). – С. 123–147. – URL: <http://journal.asu.ru/wv/issue/view/478/205> (дата обращения 03.05.2024).
6. Дробышев, Ю.И. Тэнгрианство и буддизм в средневековой Монголии [Электронный ресурс] / Ю.И. Дробышев // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе: сборник статей / под ред. П.К. Дашковского. – Барнаул: Изд-во Алт. Ун-та, 2012. – Вып. V. – С. 71–90. – URL: <http://journal.asu.ru/wv/article/view/2323/1690> (дата обращения 03.05.2024).
7. Киракос Гандзакети. История Армении / Киракос Гандзакети; пер. Л.А. Ханларян. – М.: Наука, 1976. – 357 с.
8. Козин, С.А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г.; под названием Monggöl-un niğüca tobciyan, Юань Чао Би Ши: монгольский обыденный сборник / С.А. Козин. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. – 620 с.
9. Мэй, Т. Монголы и мировые религии в XIII веке / Т. Мэй // Монгольская империя и кочевой мир. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2004. – С. 424–443.
10. Уланов, М.С. Тенгрианство в истории и культуре номадов Центральной Азии [Электронный ресурс] / М.С. Уланов // Новые исследования Тувы. – 2022. – № 3. – С. 103–115. – URL: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.3.8> (дата обращения 03.05.2024).
11. The Mongol Mission / Ed. by Christopher Dawson. – London and New York, Sheed and Ward, 1955. – С. 197–194.
12. Encyclopedia of religion, (2nd edition; 15 volumes) / Ed. by Lindsay Jones // Detroit MI: Thomson Gale. – 2005. – Vol. 3, Vol. 9, Vol. 13.

Текст поступил в редакцию 16.05.2024.

Принят к печати 14.06.2024.

Опубликован 24.12.2024.

References

1. Averyanov B.V., Abaev N.V., Garmayeva T.I. *Vestnik BGU. Gumanitarnie issledovaniya Vnutrennej Azii* [Bulletin of BSU. Humanities Research of Inner Asia]. 2015, no. 3, pp. 23–34. Available at: <https://journals.bsu.ru/journals/giva/?issue=57&article=21&rus> (accessed on May 3, 2024) (in Russian).
2. Banzarov Dorzi. *Chernaia vera, ili Shamanstvo u Mongolov i drugie stat'i* [The Black Faith, or Shamanism among the Mongols and other articles]. Edited by G.N. Potanin. St.-Petersburg, 1891. XL, 128 p. (in Russian).
3. Barseghyan Pargev. *Early beliefs and mythology in Armenia*. Yerevan, Author's Edition, 2015, 276 p. (in Armenian).
4. Drobyshev Yu.I. *Mirovozzrenie naseleniya Yuzhnoy Sibiri i Centralnoy Azii v istoricheskom retrospektive. sbornik statey* [Worldview of the Population of Southern Siberia and Central Asia in the Historical Retrospective], 2012, vol. 5, pp. 71–90. Available at: <http://journal.asu.ru/wv/article/view/2323/1690> (accessed on May 3, 2024) (in Russian).
5. Drobyshev Yu.I. *Narodi i religii Yevrazii* [Nations and Religions of Eurasia]. 2020, no. 4 (25), pp. 123–147. Available at: <http://journal.asu.ru/wv/issue/view/478/205> (accessed on May 3, 2024) (in Russian).
6. Emin N. *Vseobshchaya istoriya Vardana Velikogo* [The General History of Vardan the Great]. With Notes and Annexes. Moscow, 1861, 441 p. (in Russian).
7. Kirakos Gandzaketsi. *Istoriya Armenii* [History of Armenia]. Tr. by L. A. Khanlarian. Moscow: Nauka, 1976, 357 p. (in Russian).
8. Kozin S.A. *Sokrovennoe skazanie. Mongol'skaya khronika 1240 goda* [The Secret History of the Mongols. The Mongolian Chronicle of the 1240 year]. Moscow, Leningrad: AS USSR Publ., 1941, 620 p. (in Russian).

9. Mej T. *Mongol'skaya imperiya i kochevoj mir* [The Mongolian Empire and Nomadic world]. Ulan-Ude: Izdatel'stvo BNTs SO RAN, 2004, p. 424–443 (in Russian).
10. Ulanov M.S. *Novie issledovaniya Tuvy* [New Research of Tuva]. 2022, no. 3, pp. 103–115. Available at: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.3.8> (accessed on May 3, 2024) (in Russian).
11. *The Mongol Mission*. Ed. by Christopher Dawson. London and New York: Sheed and Ward, 1955, pp. 197–194.
12. *Encyclopedia of religion* (2nd edition; 15 volumes). Ed. by Lindsay Jones. Detroit MI: Thomson Gale, 2005, vols. 3, 9, 13.

Submitted for publication: May 16, 2024.

Accepted for publication: June 14, 2024.

Published: December 24, 2024.